

приходских попечительств, которая частично отражала общественные потребности и предпринимала попытки к решению социальных проблем того времени.

Литература

1. Благотворительные учреждения Томской губернии, Томск, 1895. -75 с.
2. Георгиевский, П.И. Призрение бедных и благотворительность / П.И. Георгиевский. – СПб., 1894. – 118 с.
3. Кудрявцев, А. Нищенство как предмет попечения церкви, общества и государства / А. Кудрявцев. – Одесса, 1885. – 89 с.
4. Чавыкин, Г.В. Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911 – 1912 гг. / Г.В. Чавыкин. – Томск. – 332 с.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Лебедев С.Д., Зимова Н.С.

Сегодня, в контексте укрепления социальных и политических позиций религиозных объединений, роста их влияния на различные сферы жизни общества, целесообразно говорить о складывании качественно новой системы институциональных отношений в конфессиональной сфере, ключом к пониманию которых выступает концепция социального партнерства. Зародившийся в конце XIX – начале XX вв., данный тип социального взаимодействия рассматривался как технология регулирования отношений между властными структурами, работодателями и профсоюзами. Функциональным назначением партнерских отношений является реализация интересов сторон на взаимовыгодной основе. Представляется, что качественные признаки социального партнерства не привязаны жестко к социально-трудовым отношениям и, следовательно, механизмы социального партнерства являются действенными также применительно к интерпретации и регулированию государственно-конфессиональных отношений.

В качестве теоретической основы анализа социального партнерства целесообразно обратиться к категории «социального пространства», которая дает возможность уйти от механистического понимания социальной структуры, предлагая рассматривать общество «не как жесткую, «твердую» систему, а, скорее, как «мягкое» поле взаимоотношений» [11, 27]. По определению П. Бурдьё, социальное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных один через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу, между или посередине» [1, 288]. Продолжая ход рассуждений П. Бурдьё, можно выделить в обществе область религиозных отношений и обозначить ее как особое социальное поле – относительно автономную «подсистему социальных отношений, структурированную оппозициями, обладающими неравными капиталами, которые являются средствами, направленными либо на сохранение, либо изменение структуры поля» [1, 148].

Поле религиозных отношений представляет собой фокус взаимодействий различных агентов, которые, в соответствии с закономерностями и сложившимися правилами игры, борются за специфические выгоды, и, в некоторых ситуациях, борются за сами эти правила. Понятие «социальный агент» у П. Бурдьё отражает, в первую очередь, такие качества, как активность и способность действовать, быть носителем определенных практик и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве [1, 19]. В поле религиозных отношений условно можно выделить три основные категории агентов:

▪ *государственные* агенты (или агенты государственной власти), к которым можно отнести уполномоченные государственные органы. На Федеральном уровне в их число входят: Президент РФ, Федеральное собрание РФ, Правительство РФ, соответствующие министерства и ведомства. На уровне субъектов РФ – представительские и исполнительные органы, а также различные специализированные органы, обеспечивающие связь с религиозными объединениями;

▪ *религиозные (конфессиональные)* агенты, которые «находятся сегодня в уникальной исторической ситуации полной независимости от государства» [6, 116] и к которым относятся: религиозные объединения (религиозные организации и группы определенных конфессий, их руководящие органы и управленческие структуры, монастыри, миссии, общины верующих, братства, сестричества) религиозные движения, конфессиональные СМИ, духовные учебные заведения, воскресные школы, различные фонды, священнослужители, пасторы, проповедники и т.д.;

▪ *общественные* агенты – светские общественные объединения различных организационно-правовых форм (общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самостоятельности); светские СМИ, гражданские инициативы, академические институты и т.д.

Социальное партнерство может строиться исключительно на принципе взаимной выгоды; условия данного типа взаимодействия связаны с реальными и потенциальными потребностями субъектов во взаимодействии как таковом. Общим условием формирования системы социального партнерства является обоснование потребностей участников взаимодействия друг в друге. С этой целью каждого из рассматриваемых агентов необходимо охарактеризовать с двух позиций: во-первых, с позиции капитала, на который могут рассчитывать партнеры, а во-вторых, с позиции интересов, реализуемых каждым из них посредством других сторон.

Согласно теории П. Бурдьё, понятие «капитал» в его расширенной интерпретации включает в себя материальные ресурсы, блага и ценности, престижные в социальном плане, обладание которыми позволяет одним социальным агентам влиять на других. Соответственно, государство является наиболее влиятельным агентом поля религиозных отношений потому, что оно располагает разнообразными видами капитала. Если М. Вебер признавал за государством монополию на легитимное физическое насилие, то П. Бурдьё добавил к этому признаку фактор легитимного символического насилия, считая, что государство способно формировать и культивировать в обществе матрицу социального поведения (устойчивые принципы или схемы восприятия, оценивания, мышления), подобную собственной структуре [1, 108-109]. По мнению французского социолога, сила государства состоит именно в концентрации различных видов капитала, из которых формируется своеобразный метакapитал. Этот последний, в свою очередь, может быть свободно реконверсирован в любой из капиталов: экономический, культурный, социальный или символический.

Пожалуй, одной из ведущих сфер реконверсирования капиталов государства является нормотворческая деятельность. Данная функция государства имеет три стороны: издание законодательных актов, обеспечение их реализации и разрешение споров – в совокупности влияющие на религиозную ситуацию. В настоящее время достаточно активно распространена практика заключения соглашений о сотрудничестве между религиозными организациями и отдельными исполнительными органами государственной власти на федеральном и на региональном уровне. Активно обсуждается возможность законодательного закрепления социального партнерства между государством и религиозными объединениями [12, 131-191]. Таким образом, для обес-

печения социального партнерства с религиозными организациями (в реальности – с наиболее влиятельными организациями традиционных конфессий) государство делится с ними законодательным и административным капиталом. Государство вкладывает капитал в данные отношения, рассчитывая реализовать свои интересы, используя капитал религиозных агентов.

Религиозные агенты обладают культурно-символическим капиталом, который выступает как «совокупность культурных символов и архетипов, принципов общественной морали и норм поведения, основных элементов исторической памяти народа и форм государственного и общественного устройства, так или иначе укорененных в русской традиции» [9, 19]. Основным ресурсом культурно-символического капитала религиозных агентов является авторитет [5, 6-8], в основе которого лежат такие архетипы, как высшая справедливость, служение и т.д. Условно данный ресурс можно обозначить как метафизический авторитет, проистекающий из статуса религиозного института как посредника в отношениях земного с Божественным.

Взаимодействуя с государственной властью, РПЦ МП, как наиболее крупное и авторитетное в стране религиозное объединение, предоставляет ей следующие виды капитала:

1. Укрепление легитимности власти, как внутри страны, так и во внешнеполитических отношениях.

2. Укрепление имиджа власти элементами «православной религиозности».

3. Мировоззренческие ценности РПЦ, которые призваны лечь в основу интегративной национальной (мета)-идеологии. Здесь речь идет об актуализации глубинных слоев культурного капитала Церкви, базирующегося на общности ценностных архетипов религиозной культуры православного христианства и значительного пласта светской российской культуры [10, 97].

4. Партнерство с государством в области социальной политики. Авторитет церкви и ее практические действия в данной сфере могли бы смягчить социальную напряженность в обществе.

В свою очередь, интересы, реализуемые Церковью в отношениях с государством, можно сгруппировать в три категории:

1. Поддержание церковной свободы и автономности. Государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, духовническую практику и т.д. [7, 13].

2. Рост церковного влияния и авторитета в обществе, который, в частности, обеспечивается «сорботничеством» с государством, выполнением ряда социальных функций и т.д..

3. Накопление и консолидация материальной базы. Проанализировав выступления представителей Московской Патриархии, можно выделить такие материальные притязания РПЦ МП, как: поступательный льготный выкуп зданий и земель по согласованному с Правительством списку, ресурсная поддержка ряда церковных проектов социальной направленности.

Среди наиболее актуальных замыслов Патриархии чаще всего называют также создание новых институтов социальной работы, развитие богословского образования, международную деятельность в интересах укрепления имиджа России в мировом сообществе [2].

Социальным капиталом общественных агентов является легитимация, причем размер этого капитала в сумме более значителен, чем тот, что может предложить государству Церковь. Агенты легитимации действуют на нескольких уровнях. «Низо-

вой» уровень агентов легитимации – массовые общности. Условно этот уровень можно назвать «социальным». Сила и влияние таких агентов обусловлены их массовостью; в то же время они в большой степени подвержены манипулятивным практикам. На втором уровне действуют агенты легитимации институционально-корпоративного характера. Они не отличаются массовостью, но обладают такими важными качествами, как сплоченность и четкая артикуляция своих интересов, и таким ресурсом, как влияние. Это влияние выражается в их способности достигать своих целей опосредованно, используя финансы, «административный ресурс», средства массовой коммуникации и т.д. И, наконец, персональный уровень агентов легитимации включает наиболее влиятельных лиц, от мнения, поддержки и участия которых зависит поддержка сообществом конкретного властного института или организации [8, 79-81].

Определяя позиции и интересы общественных агентов, отметим, что ряд авторов отмечает их слабость в процессах государственно-конфессионального взаимодействия. Так С.Н. Градировский считает, что «ни академические, ни правозащитные, ни масс-медийные структуры не участвуют в полной мере в формировании конфессиональной политики, они лишь так или иначе относятся к тому, что формируется другими, лелея надежду, что их мнение сможет оказать влияние на разрешение спорных ситуаций» [3, 4-5]. Для объяснения и оправдания сложившейся системы, как правило, приводят аргумент о «недоразвитости» гражданского общества в России. В демократических странах ткань гражданского общества соткана из многочисленных и разнообразных неправительственных организаций, профессиональных объединений, творческих ассоциаций, общественных движений, социальных ячеек, которые несут заряд общественной энергии, направленный на решение сложных проблем. В России эта традиция «солидарности снизу» исторически очень слаба. «Повседневные большие общности... не носят надличного, «объективного» характера и потому не имеют обобщенного символического самоопределения [4, 17].

Изменить положение дел можно путем укрепления позиций уже существующих и вновь создаваемых общественных агентов, при этом каждому из них придется учиться выстраивать отношения друг с другом, вести дискуссию, выходить в открытую сферу публичного пространства. По мнению С.Н. Градировского, самостоятельными субъектами конфессиональной политики, помимо государства и религиозных объединений, могут стать: религиозная журналистика; академические структуры, связанные с преподаванием религиозных дисциплин; адвокатура, отстаивающая права верующих в случае их нарушения; экспертные советы; межрелигиозные советы; международные организации, а также различного рода ассоциации и объединения верующих [4, 117].

Согласно концепции социального партнерства, необходимо очертить области взаимодействия, в которых имелись бы общие задачи для каждого актора. Среди таких областей традиционно выделяются социальная работа, благотворительная деятельность, реализация общественно-значимых культурно-просветительских программ. Помимо этого, ряд областей государственно-конфессионального взаимодействия отмечен в уже упоминавшихся социальных концепциях религиозных объединений. Так, в Основах социальной концепции Русской Православной церкви указаны следующие области сотрудничества [7, 13]: миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях; забота о сохранении нравственности в обществе; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия; труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения

свободы; наука, включая гуманитарные исследования; здравоохранение; поддержка института семьи, материнства и детства и т.д.

Принятие Федерального закона от 5 апреля 2010 г. №40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» также расширяет сферу социального партнерства, так как религиозные организации признаются социально ориентированными некоммерческими организациями. Как отметил Святейший Патриарх Кирилл, принятие закона является важным шагом в процессе развития социального партнерства и свидетельством признания той большой работы, которую Русская Православная Церковь и другие традиционные религии России осуществляют в социальной области.

Литература

1. Бурдые, П. Начала. Choses dites / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
2. Выступление митрополита Волоколамского Илариона на втором православно-католическом форуме на тему: «Государство и Церковь в России: 20-летний опыт взаимоотношений» (19 октября 2010г., о. Родос, Греция). / <http://www.mospat.ru/ru/2010/10/20/news28372/>
3. Градировский, С. Противоречия статусности религиозных организаций и объединений / С. Градировский, Е. Малахова // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения: сборник статей. – Н. Новгород, 2003. – С. 4-5.
4. Дубин, Б.В. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России / Б.В. Дубин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – № 1 (81). – С. 17.
5. Зайченко, А. Авторитет как политический ресурс церкви / А. Зайченко // Религия и право. – 2003. – № 4. – С. 6-8.
6. Костюк, К.Н. Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви / К.Н. Костюк // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 116.
7. Основы социальной концепции Русской Православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (специальный выпуск). М., 2000 г. – №8. – С. 13.
8. Реутов, Е.В. Церковь как агент легитимации региональной политической системы / Е.В. Реутов // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Материалы Всерос. науч. конф. (Белгород, 6-7 октября 2004 г.). – Белгород, 2005. – С.79-81.
9. Солдатов, А. Священный «капитал» и его «олигархи» / А. Солдатов // Отечественные записки. – 2001. – №1. – С. 19.
10. Семенов, В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971 – 2007 гг.) / В.Е. Семенов – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – С. 97.
11. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996. – С. 27
12. Якунин, В.И. Социальное партнерство государства и религиозных организаций. Монография / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.В. Симонов, и др. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 131-191.

ОБРАЗ ХРИСТИАНСКОГО СМИРЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Липич Т.И., Бережная Д.Э.

Величайшая заслуга Достоевского как писателя-психолога состоит в том что он не только сам познал свое падение, смирился и пришел через труднейшую борьбу к истинной вере во Христа, как и говорил о себе: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла» [3, 174], – но и в том, что в необычайно яркой, сильной, глубокой художественной форме раскрыл миру этот путь души. Достоевский как бы еще раз благовествовал миру христианство,